

ЦЕННОСТИ ТРУДА И ДОСУГА: ЕДИНСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Баразгова Е. С.

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620099, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, evg.barazgova@mail.ru

Лихачева Л. С.

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия), 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, Likhacheva08@rambler.ru

УДК 316.334.2:[316.334:379.8]
ББК 60.561.23+60.564.0

Цель: исследование ценностей труда и досуга в исторической эволюции.

Методология и методы: применение компаративистского метода в аксиологическом анализе отношений к труду и досугу и метода вторичного анализа социологических данных в анализе различных типов отношений к труду и досугу.

Результаты: выявлена тенденция стирания жестких границ между сферами труда и досуга в образе жизни современного человека; обосновано определяющее воздействие ценностного фактора в отношении человека к труду и досугу; выявлены различные типы ценностных ориентаций на труд и досуг в сознании современных россиян. Делается вывод о формировании в условиях современного производства единой деятельностной системы труд / досуг, отражающей актуальную иерархию ценностей индивида.

Научная новизна: предложено авторское определение досуга; выявлены четыре типа ценностных ориентаций, определяющих отношение россиян к труду и досугу – «трудоголик», «традиционалист», «гедонист», «реативист».

Ключевые слова: труд, досуг, досуговые практики, ценностные ориентации.

LABOR AND LEISURE VALUES: UNITY OR CONFRONTATION?

Barazgova E. S.

doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Sociology of Management of Ural Institute of Management – Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620099, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66, evg.barazgova@mail.ru

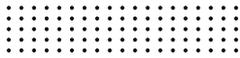
Likhacheva L. S.

doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of cultural studies and socio-cultural activities, the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (Russia), 620000, Russia, Yekaterinburg, Lenina ave., 51, Likhacheva08@rambler.ru

Purpose: study of the values of labor and leisure in historical evolution.

Methodology and methods: application of the comparative method in the axiological analysis of attitudes towards work and leisure and the method of secondary analysis of sociological data in the analysis of various types of attitudes towards labor and leisure.

Results: revealed a tendency to erase the rigid boundaries between the areas of work and leisure in the lifestyle of a modern person; the determining influence of the value factor in the person's attitude to work and leisure is substantiated; identified various types of value orientations of work and leisure in the minds of modern Russians. The conclusion

Баразгова Е. С., Лихачева Л. С.

is made about the formation in the conditions of modern production of a single work / leisure activity system reflecting the current hierarchy of individual values.

Scientific novelty: suggested the author's definition of leisure; identified four types of value orientations that determine the attitude of Russians to work and leisure – “workaholic”, “traditionalist”, “hedonist”, “creative”.

Key words: labor, leisure, leisure activities, value orientations.

Понимание труда, его роли в структурировании, функционировании и развитии социальной системы складывалось на всем протяжении истории социологической мысли. Классики социологии О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер рассматривали труд в контексте своих оригинальных подходов. Иллюстрацией может служить сопоставление: О. Конт заложил основы понимания системы индустриального общества и, соответственно, необходимости достойной оплаты труда тех, кто, несмотря на трудовой вклад в его благосостояние, отнесен к низшим классам; К. Маркс, открыв закон прибавочной стоимости, во-первых, доказал значимость труда в капиталистическом накоплении, и, во вторых, показал его роль в развитии сущностных сил человека, ведущих его к идее и действиям по освобождению общества; Э. Дюркгейм сосредоточил внимание на изучении общественного разделения труда и пришел к выводу о том, что данный процесс является фундаментом исторической формы социальной солидарности; М. Вебер в анализе ценностей протестантской этики пришел к выводу о призвании как долге, реализующемся в труде. Таким образом, в классической социологии труда как важнейшей отрасли науки об обществе и человеке. При этом следует заметить, что холистический подход ориентировал исследователей на рассмотрение роли труда в функционировании и развитии социальной системы; тогда как, в номиналистическом подходе центральными являлись проблемы мотивации труда и трудового поведения.

В определении понятия «труд» современная социология и экономическая теория следуют холистическому подходу К. Маркса: авторы Российской социологической энциклопедии пишут: «Труд – целеобразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей» [1, с. 664]. В экономическом словаре Collins предлагается следующее определение: «Труд – вклад рабочей силы в производственную деятельность... Труд – один из трех основных факторов производства наряду с природными ресурсами и капиталом» [2, с. 592]. Мы намеренно привели определения отечественного и зарубежного словарных изданий, преследуя цель демонстрации единства и свободы от парадигмальных и дисципли-

нарных различий в анализе социальной сущности труда. В развитии социологии труда, между тем, обнаруживается многоаспектность деятельности людей как субъектов производственного процесса и производственной сферы [3]. В контексте нашего исследования важно подчеркнуть то обстоятельство, что в анализе эволюции труда социологи отходят от прежнего противопоставления труда и досуга, приходя к выводу о взаимопроникновении трудовых и досуговых практик у значительной части экономически активного населения планеты [4].

Теперь обратимся к понятию досуга. Первооткрывателем темы стал американский социолог (инженер по образованию) Т. Веблен. В 1899 он написал критическую по отношению к капитализму работу – «Теория праздного класса» [5]. Критический запал, выразившийся в негативной коннотации базового понятия и расширительной трактовке границ праздного класса не помешал Т. Веблену в точном, на наш взгляд, обозначении стилевых характеристик праздного образа жизни, представляющем совокупность досуговых практик при отсутствии трудовой производительной деятельности и социальной самореализация в демонстративном потреблении. Таким образом, Т. Веблен, с одной стороны, противопоставил труд в производстве и праздность в досуге, но, с другой, связал потребление с производством потребностей. Однако эта догадка Веблена не была актуальной в исторической реальности его времени. Актуальной ее сделало массовое производство, успех которого способен обеспечить массовый потребитель. Не случаен факт переиздания его работы в США в 50-е годы XX века, да и факт его перевода и издания на русском языке в 80-е гг. столь же не случаен [6]. Развитие производительности труда влечет за собой сокращение рабочего времени, и, тем самым, увеличение пространства времени досуга (о чем речь пойдет далее), что рождает личностную потребность в заполнении досугового пространства и общественную потребность в формировании экономики досуга, производящей товары, обеспечивающие досуговые практики населения.

В теоретических исследованиях отечественных и зарубежных экспертов сложилось два подхода: 1) рассмотрение досуга во временной перспективе как сферы занятий в свободное (вне рабочее) время; 2) изучение проблемы взаимопроникновения трудовых и досуго-

Баразгова Е. С., Лихачева Л. С.

вых практик в деятельности работников, представляющих различные профессиональные группы. Определения досуга должны отразить специфику этих подходов. Первый представлен в определении авторитетного отечественного эксперта, изучающего изменение бюджетов времени работающих россиян, В. Д. Патрушевым: досуг есть «совокупность видов деятельности, предназначенных для удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей в свободное время» [1, с. 132]. Нам, безусловно, импонирует деятельностная трактовка досуга в данном определении, но в нем игнорируется его особая ценностная природа. Второму из сложившихся подходов в большей мере будет соответствовать следующее определение: досуг есть совокупность любительских практик человека, осуществляемых в режиме личного и социального выбора и имеющих место во вне рабочее время за пределами оплачиваемой работы. В предлагаемом нами определении, во-первых, фиксируется деятельностное единство труда (оплачиваемой работы) и досуга и, во-вторых, ценностное начало досуга – личный выбор.

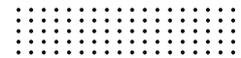
Сформулированные определения труда и досуга дают возможность провести дальнейшее ценностное сопоставление рассматриваемых в статье феноменов. Между ними существуют, на наш взгляд, как значимые отличия, так и определенное сходство, т.к. они в единстве представляют иерархию ценностей личности и группы. Труд как оплачиваемая работа позволяет человеку занять свое место в технологической структуре разделения труда, и тем самым, в социально – профессиональной и социально – экономической структурах общества. Место в производстве позволяет индивиду идентифицировать себя с микро и макро социальными группами. Не случайно большая часть респондентов в уличных опросах на вопрос о том: «кто Вы?» – информируют интервьюеров о своем профессиональном занятии. К настоящему времени в мире сложились различные экономические формы оплачиваемого труда, но все они являются способами включения в общественное производство.

Досуг, являясь исторической привилегией современного человека, также представляет собой деятельность (даже если проявляется в форме бездеятельности), но осуществляемую по личностному выбору во вне рабочее время. В этом выборе реализуются различные, но индивидуальные цели – самореализации и саморазвития, вплоть до так называемого «убивания времени». В то же время досуг производит индивидуальность, декларируемую выбором досуговой деятельности и характером использования способностей и информации, обогащенных во вне рабочее время. В досуге проявляются и те ресурсы, которые рождаются с трудом. Выбор досуговых занятий имеет значимую статусно – демонстративную составляющую, которую

выделил Т. Веблен. В досуге человек, по-видимому, более чем в оплачиваемой работе имеет возможности социальной и групповой самоидентификации. Таким образом, социальная стратификация общества формируется и в сфере труда, и в сфере досуга, что является еще одним признаком целостности системы труд / досуг. Труд и досуг составляют деятельностное единство образа жизни человека, пространство его личностной ценностной самореализации.

Зададимся следующим вопросом: чем отличается процесс самореализации в условно разделенных сферах? На наш взгляд, отличие состоит в иерархии ценностей, которые определяют направленность деятельности в каждой из сфер. Труд базируется, прежде всего, на ценности долга (что может подразумевать веберовскую интерпретацию или более широкую интерпретацию Э. Дюркгейма), ответственности перед обществом, семьей, группой непосредственного окружения и т.д., которым подчинены ценности свободы выбора занятия и социальной идентификации. Что касается досуга, то его связь со свободным временем, как нам представляется, указывает на доминирование ценности личностной свободы (призрачность которой обнаруживается в широком внедрении индустрии массовой культуры как практик манипулирования сознанием и потребительским поведением), реализующейся в потреблении как самого времени, так и благ, социально и финансово доступных. Характер и содержание потребления зависят от многих факторов, но, нам представляется, что, прежде всего, от того, чем занят человек в рабочее время. Работа «на износ» предъявляет запрос на физическое и психологическое восстановление, т.е. релаксацию; монотонный, преимущественно умственный труд офисных работников дополняется досугом, заполненным спортом, увлечением фитнесом; творческая проектная работа так называемого креативного класса сопровождается выбором экстремальных видов спорта, в которых человек проверяет собственные пороговые возможности выносливости, мужества и т.д., знание которых необходимо в работе. Таким образом, труд и досуг составляют единую деятельностную систему, в которой формируется и реализуется индивидуальность.

Теперь обратимся к временному делению пространства системы труд / досуг. На протяжении большей части истории человечества труд в нем доминировал, требуя большую часть времени, которым располагал человек. Мы не считаем целесообразным обращаться к фактам древней истории цивилизации. Уместно обратиться к эпохе капитализма с конца XIX века по наши дни. В пользу такого исторического ограничения, во-первых, свидетельствует динамика изменений во временном пространстве экономически активного населения развитых стран мира и,

Баразгова Е. С., Лихачева Л. С.

во-вторых, наличие надежных статистических наблюдений данного процесса.

До конца XIX века Россия не имела законов, ограничивающих продолжительность рабочего дня. У большинства работающего населения она составляла 14 – 16 часов. Это означает: внерабочее время составляло от 8 до 10 часов в сутки, его могло хватать лишь на физическое восстановление к новому рабочему дню. Возможность досуга была лишь у той привилегированной материально обеспеченной части населения, которая не была вынуждена идти на оплачиваемую работу в массовый сектор капиталистической экономики. Первый закон, устанавливающий суточную норму рабочего времени «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» был принят в 1897 году. Согласно данному закону рабочий день мужчин должен был ограничиваться 11,5 час. по будням (6 дней в неделю), а в случае работы ночью, по праздникам и в выходные дни – 10 часов; женщинам и детям предписывалась продолжительность рабочего дня – не более 10 часов [7, с. 37]. Таким образом, появление в России массового досуга как возможности мы можем отнести к середине 1897 года. Непосредственно после октябрьского переворота 1917 года, а именно 29 октября Совет народных комиссаров РСФСР выпустил Декрет «О восьмичасовом рабочем дне» [8]. Новая власть в тот период не могла быть озабоченной проблемами досуга работающего населения, но вводимой нормой демонстрировала последовательность в защите классовых интересов. Однако с 60-х годов в политике советского государства наметился явный перелом в сторону последовательного сокращения рабочего времени и, соответственно, увеличения времени досуга: 1960 год – Закон СССР «О завершении перевода всех рабочих и служащих на семи и шестичасовой рабочий день». В действующем Трудовом Кодексе РФ закреплена норма: 40 часов должна составлять рабочая неделя – 5 рабочих дней и два выходных. Таким образом, досуг постепенно стал значимым временным пространством работающих россиян, а его деятельностное наполнение составляет каждодневную индивидуальную проблему для каждого. Что касается вынужденно неработающих, то для них проблему составляет не только поиск досуговых занятий, но и обретение рабочего времени, т.е. оплачиваемой работы [9].

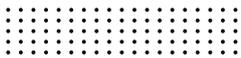
Тенденция значительного сокращения рабочего времени в ходе технологических революций не явилась неожиданностью ни для ученых, ни для политиков. Еще в 1930 году Дж. М. Кейнс предсказал снижение рабочего времени в неделю до 15 часов [10]. Значительное сокращение рабочего времени в странах Европы и США действительно произошло [11], но оно по-разному проявилось в каждой из стран. (таб-

Таблица 1. Продолжительность рабочей недели в странах Западной Европы и США

Страна	Норма часов
США	33
Великобритания	35–40
Германия	30–40
Франция	35
Нидерланды	21–27

лица 1). Изменение временной структуры образа жизни граждан развитых стран принесло с собой проблемы, частью прогнозируемые, а частью неожиданные для экспертов. В частности, Д. Белл указывает на тот факт, что Д. Рисмен в 1958 году, вводя термин «постиндустриализм, имел в виду «общество досуга» и те социологические проблемы, которые могли бы возникнуть, когда впервые в истории огромные массы людей столкнулись бы с проблемой использования свободного времени, а не выполнения тяжелой и нудной работы» [12, 616]. К этим проблемам следует отнести: во-первых, необходимость формирования способности у больших масс людей к управлению своим временем и заполнению досуга развивающими видами деятельности; во-вторых, неготовность экономики к удовлетворению разнообразных досуговых потребностей населения. Отметим, что экономика досуга, сформировавшаяся в 70-е годы XX в., была ориентирована на удовлетворение массовых потребительских запросов, что соответствовало и технологиям производства, и духу капитализма.

Дальнейшие изменения в системе труд / досуг стали результатом развития информационных технологий. Они изменили характер труда значительной части работников, что создало необходимость перестройки в организации труда. Современные компании вводят гибкий режим работы, рассматривая его внедрение в качестве ресурса рационализации организации и роста производительности труда. Одновременно меняются люди как субъекты производственного процесса. В период, следующий за компьютерной революцией, работники начали воспринимать время как собственное достояние, т.к. получили возможность им распоряжаться, т.е. выполнять свои производственные функции не по фабричному гудку, а следуя ритмам собственного организма и личных временных возможностей – в те часы суток, когда они могут работать наиболее эффективно. Об этом убедительно пишет П. Арора в работе «Фабрика досуга». Во-первых, она замечает: «некоторые компании осознанно вводят элементы досуга в само производственное пространство:

Баразгова Е. С., Лихачева Л. С.

скверы с гамаками, бильярдные столы, волейбольные поля, комнаты для видеоигр, фортепиано, столы для пинг-понга и залы для йоги становятся характерной чертой этих новых условий труда» [13, с. 89]. И как показывают исследования, это существенно способствует росту производительности труда работников таких предприятий. Во-вторых, это проявляется в том, что сама сфера досуга для многих становится сферой приложения труда (трудовой деятельностью), появляются все новые профессии, связанные с индустрией развлечений (шоумены, аниматоры и пр.).

Новые условия производства и организации труда становятся стимулом изменения ценностных ориентаций и поведения всех групп экономически активного населения. Наибольшую динамичность, естественно, проявляет молодежь. Этому способствуют многие факторы. Однако, ведущим, на наш взгляд, является период социализации, который у молодых людей совпал со временем описанных выше перемен. Происходит формирование новых культурных практик и моделей трудового поведения, соединяющих трудовую деятельность и хобби, увлечения. Такие формы самозанятости, как фриланс, блоггерство, дауншифтинг, удаленная (посредством Интернета) работа и др. позволяют молодым людям самостоятельно распоряжаться своим рабочим и свободным временем и делают каждого человека *self-entrepreneur*. Как пишет З. Бауман, «лозунгом дня стала гибкость, что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий» [14, с. 81].

Одновременно в ценностных ориентациях и практиках части молодежи доминирует потребление как цель и содержание самореализации. Т. В. Абанкина, на наш взгляд, удачно обозначила современную постиндустриальную экономику как «экономику желаний» [15]. В этой новой ситуации под влиянием изменившихся ценностей и досуговых потребностей, прежде всего молодых людей, учреждения и организации культуры изменяют свою стратегию деятельности. Происходит их переориентация по большей части не на образовательно-просветительский функции, как прежде, а на развлекательно-гедонистические. Мотивация при этом такая: «в современном мире люди испытывают постоянные стрессы, они перегружены на работе, устают от бытовых проблем. И именно организации культуры должны дать им возможность отдохнуть, отвлечься от проблем, даже обучать «играючи» [15].

Проведенные нами исследования в моногородах Свердловской области выявили еще одну любопытную тенденцию [16]: выпускники школ малых и средних моногородов склонны к невозвратной миграции, основным вектором – более крупный город, а главным

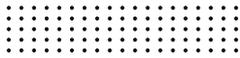
мотивом – отсутствие возможностей в родном городе. Характерен тот факт, что свою озабоченность они по большей части проявляют по отношению к городской инфраструктуре досуга («Скучно», «Нечем заняться, некуда пойти в свободное время» и т.п.). Причем, чем выше степень территориального неравенства, тем сильнее миграционные настроения молодежи. Молодые люди прагматично выбирают как перспективу их дальнейшего жизненного пути те территории, которые отличаются более высоким уровнем доходов и более широкими возможностями социально-экономической и социокультурной, в том числе, досуговой самореализации. В этом отношении права О. В. Понукалина, которая замечает: «в обществе потребления значение приобретает не сам досуг в соответствии с его определением, а досуговое потребление; вне контекста потребительских практик досуг теряет свою значимость, обесценивается» [17, с. 217].

Среди работников более старших возрастов, тех, кто прошел процесс социализации в предшествующие периоды российской истории сложились различные типы ценностных ориентаций по отношению к системе труд / досуг. Мы на основании вторичного анализа данных предшествующих социологических исследований выделили четыре типа:

Первый тип можно условно обозначить как «трудоголики», у которых ценность труда преобладает над ценностью досуга. Свободное время и досуг воспринимаются ими как вторичная (инструментальная) ценность, необходимая только для восстановления сил для последующей трудовой активности. «Я работаю для того, чтобы жить. То есть слова «работа» и «жизнь» для меня – синонимы. Но для того, чтобы нормально работать, нужно нормально отдыхать» [18].

Второй тип – «традиционалисты», у которых ценность труда и ценность досуга в равной мере осознаются и присутствуют в системе жизненных ценностей индивида. Эти ценности равнозначны, одинаково значимы («Надо хорошо поработать, а потом хорошо отдохнуть»). Такую позицию, в частности, высказывает известный сценарист, режиссер, актер А. Адабашьян: «Многие люди ставят во главу угла работу, любимое дело и всеми силами стараются в нем преуспеть. А некоторые считают, что работа – только средство зарабатывания денег, чтобы затем на них проводить досуг. Или отдых – без разницы. И нельзя сказать, хорошо это или плохо» [18].

Третий тип – «гедонисты», у которых ценности труда или не осознаются, или находятся на очень низком уровне в иерархии ценностей. Доминируют ценности досуга, потребления, рекреации. «Действительно, современный человек зачастую живет ради досуга. К сожалению, я просто вижу это на примере близких мне людей, и это приводит меня в состояние некоторой

Барзгова Е. С., Лихачева Л. С.

оторопи. Я спрашиваю у своей восемнадцатилетней внучки, которая собирается поступать в вуз: «Зачем ты идешь в этот институт?» И в ответ слышу: «Я хочу оттянуться и отдохнуть». Для нее «оттянуться» – главное слово» [18].

Четвертый тип – «креативисты», у которых ценность труда и досуга сливаются, происходит их контаминация в сознании и ценностных установках индивида. К ним могут быть отнесены люди творческих профессий, блогеры и др., трудовая деятельность которых связана с творческой самореализацией, удовлетворением личностных потребностей и интересов. Примером может служить высказывание писательницы Г. Щербаковой в одном из ее интервью: «Все свое время, насколько у меня хватает сил и энергии, я провожу за письменным столом... Мечтаю ли я об отдыхе? Я о нем даже и не мечтаю. Он мне просто не нужен» [18]. У людей этого типа труд, представленный наукой, искусством или другим видом творческой деятельности, поглощает все их время целиком. Ученый-биолог Борис Осадин говорит об этом так: «Ну, что я могу рассказать интересного о досуге? В выходной день меня, зачастую, можно застать сидящим за компьютером и печатающим какую-нибудь статью или обзор... И это неудивительно, если вы серьезно занимаетесь наукой: это вещь скверная, в том смысле, что забирает ваше личное время целиком, без остатка. И если уж какая-то мысль зацепилась за мои мозги, мне ее очень трудно, практически невозможно, выбросить из головы!» [18].

Наш анализ работ, посвященных проблемам труда и досуга, приводит к выводу о том, что не все выделенные типы ценностей в системе труд / досуг в равной мере изучаются отечественными экспертами. В большей мере освещаются ориентации традиционалистов и гедонистов, в меньшей – креативистов. Изучение всех типов системы, на наш взгляд полезно и в практическом, и в теоретическом отношении. Управление развитием производства предполагает удовлетворение трудовых и досуговых потребностей всех групп населения. Фиксация в динамике пропорций населения, придерживающихся различных типов ценностной иерархии в системе отношений труд / досуг, позволит отслеживать изменения в сознании людей, связанные с современными переменами в бюджете времени, и давать им теоретическое объяснение.

Литература:

1. Российская социологическая энциклопедия М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 664 с.
2. Кристофер П.: Словарь по экономике. СПб.: Экономическая школа, 1998. 751 с.
3. Тощенко Ж. Т. Социология труда. М.: Юрайт, 2018. 472 с.

4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика– XXI, 2007. 421 с.
5. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. N. Y. Mentor. 1953. 261 p.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
7. Валетов Т. Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическая история. Обозрение. 2007. № 13. С. 34 – 44.
8. О восьмичасовом рабочем дне: Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 года. [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения 05.11.2018).
9. Шмерлина И. А. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 51–56.
10. Elliot L. Economics: Whatever happened to Keynes: 15 hours working week? // The Guardian. 2008. 1 September.
11. Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Work-force and the Dawn of the Post-market Era. New York: G. P. Putnam's Sons. 1995. P. 350.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 785 с.
13. Арора П. Фабрика досуга: производство и цифровой век // Логос. 2015. Т. 25, № 3. С. 88–119.
14. Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 77–86.
15. Абанкина Т. В. Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. 2005. № 4 (25).
16. Барзгова Е. С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург: УИ РАНХиГС, 2012. 152 с.
17. Понукалина О. В. Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. Т. 14. С. 210 – 218.
18. Киктенко Е., Головкин О., Меркулова Е. В поисках границы между досугом и отдыхом // Фома. 2006. № 8 (40).

References:

1. Russian sociological encyclopedia M.: NORMA-INFRA-M, 1998. 664 p.
2. Christopher P.: Dictionary of Economics. SPb.: Economic School, 1998. 751 p.
3. Toshchenko Zh. T. Sociology of labor. M.: Yurayt, 2018. 472 p.
4. Florida R. Creative class: people who change the future. M.: Klassika – XXI, 2007. 421 p.
5. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. N. Y. Mentor. 1953. 261 p.

Баразгова Е. С., Лихачева Л. С.

6. Veblen T. Theory of the idle class. M.: Progress, 1984. 367 p.
7. Valetov T. Ya. Factory Legislation in Russia before the October Revolution // Economic History. Review. 2007. № 13. P. 34–44.
8. On the eight-hour working day: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 29, 1917. [e-resource]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (date of reference 11.05.2018).
9. Shmerlin I. A. Free time – imposed space of life? // Social reality. 2007. № 9. P. 51–56.
10. Elliot L. Economics: Whatever happened to Keynes: 15 hours working week? // The Guardian. 2008. September 1.
11. Rifkin J. The Decline of the Global Workforce. New York: G. P. Putnam's Sons. 1995. P. 350.
12. Bell D. The coming post-industrial society: The experience of social forecasting. M., 1999. 785 p.
13. Arora P. The Leisure Factory: Production and the Digital Age // Logos. 2015. V. 25. № 3. P. 88–119.
14. Bauman Z. The rise and decline of labor // Sociological studies. 2004. № 11. P. 77–86.
15. Abankina T. V. The Economics of Desires in the Modern “Civilization of Leisure” // Domestic Notes. 2005. № 4 (25).
16. Barazgova Ye. S. Socio-territorial community: variability and constancy in development (on the example of the Sverdlovsk region). Yekaterinburg: UI RANEPА, 2012. 152 p.
17. Ponukalina O. V. Labor and free time in the discourse of consumer practices // Journal of sociology and social anthropology. 2011. № 5. V. 14. P. 210–218.
18. Kiktenko, E., Golovko, O., Merkulova, E. In Search of the Borderline between Leisure and Recreation // Thomas. 2006. № 8 (40).